

— Что ты здесь сидишь? Замёрзнешь ведь, — Баки выбрался из-за шкуры, и волчата тоже высунули носы из тепла — в землянке трепетал огонь в очаге, и терпко пахло травами, что друид разложил на тёплых камнях для просушки после зимы.

Стив сидел на пне рядом с землянкой, вытянув перед собой длинные худые ноги, и смотрел в небо. Там, в ночной темноте, куполом накрывшей их поляну и лес, рассыпались крохотными драгоценными камушками звёзды, а над частоколом голых деревьев висела большая луна. Баки давно не видел, чтобы она была такой огромной, такой круглой — как око невиданного чудища, замершего на одном месте. Баки поёжился. Друид молчал, и от его дыхания поднимались вверх облачка пара.

— Стив, — позвал Баки снова и шагнул ближе, положил руку на твёрдое плечо. Только тогда друид вздрогнул и посмотрел в ответ. Взгляд его, туманный, стал чуть более осмысленным. — Идём внутрь. Здесь холодно, ты...

— Я думал, — перебил его Стив, чуть нахмурясь. — Снова полнолуние. Дни идут за днями так быстро. А мы тут застряли, как мошकारа, попавшая в густую смолу.

Баки внимательно посмотрел на него. Неуловимая тревога, поселившаяся внутри последние дни, заворочалась сильнее. Он сел на колоду рядом, тоже стал смотреть на луну, не торопясь нарушать оглушавшую тишину. Волчата, потоптавшись рядом с ними, потыкавшись влажными носами в колени, побежали по прихваченной морозцем земле до подлеска. Баки не стал останавливать их. Пускай разомнут ноги, половят чужие запахи. Он уже давно не беспокоился, что они могут уйти. Слишком привыкли они к теплу, что дарил их очаг, и к пище, что получали только из рук Баки — друид не прикасался к крови своими руками. Они ничего другого не знали: мать кормила их своим молоком, пока была жива, Баки же накормил свежим мясом и напоил кровью. Он приручил их, и теперь был их вожак. А вот Стив... он всё чаще был похож на того, кто хочет убежать подальше, в лес. Но то ли не находил в себе сил, то ли страх его оказывался больше. Баки, глубоко вздохнув, положил руку ему на бедро, ладонью почувствовал тепло под длинной шерстяной рубахой — и Стив ожидаемо вздрогнул и весь напрягся. Замер, даже дышать перестал.

— А ты... чего хочешь? — спросил Баки вкрадчиво. — Можем уйти, куда скажешь. Или... может, ты хочешь, чтобы я ушёл?

Стив резко повернул голову и уставился на него широко распахнутыми глазами. Мягкие губы были сжатыми в тонкую бледную линию, и Баки понял, что давно, уже очень давно не пробовал их вкус. Забыл его. Стив сторонился его много дней и ночей. И больше ни разу не приходил к нему под шкуру после той ночи. А сам Баки не торопился, по-звериному выжидал, что из всего этого выйдет.

— Я не знаю, — наконец, тихо выдохнул Стив и опустил голову, словно больше не мог смотреть Баки в глаза. — Ты меня тревожишь. У меня внутри словно пчелиный рой ворочается, когда ты рядом. И мне больно.

Баки распрямился, не веря в то, что слышит — и убрал руку с его бедра. Вот оно как.

— Почему тебе больно? — голос звучал глухо от обиды. Он и не думал скрывать её. — Разве я делал тебе больно? Разве не помогаю тебе всем, чем только могу? Разве... требую что-то взамен? — закончил он зло, как оборвал. Ему даже не хотелось слушать ничего в ответ. За своим животным желанием, тянущим его к друиду, словно верёвкой, окруженной вокруг шеи, он и подумать не мог, что мог быть противен. Он хорошо помнил, как чувствовался в кулаке чужой твёрдый член. И это не он влез к друиду под шкуру. Если тот не хотел — не нужно было выпрашивать. А теперь... — Только скажи, и я уйду. Ты исполнил свой долг, спас меня. Теперь я не пропаду.

Он видел, как сильно друид сжал кулаки: и без того бледная тонкая кожа обтянула острые костяшки. Ему показалось, что он не расслышал тихий, злой шёпот.

— Я пропаду, — разобрал он. — Теперь я без тебя пропаду. — Вдруг он схватил руку Баки и сильно прижал к своей груди. — Слышишь? Каждый раз, когда ты вот так рядом садишься. Или когда тренируешься с топором. Или когда заходишь внутрь, откидываешь шкуру и ложишься на лежанку, засыпаешь, а я каждый твой вдох чувствую, как свой... Слышишь?

Баки чувствовал тепло. И то, как сердце, словно пойманная в силки птица, трепыхалось под ладонью. Быстро, неровно.

— И от этого тебе больно? — спросил он.

— Когда ты прикасаешься — больно, — обреченно прошептал Стив. — А когда не прикасаешься — ещё больнее.

— Почему? — выпытывал Баки. Сам он никогда не рылся в том, что его тревожит. Не сидел так, не смотрел на ночное небо. Он мог пробежать по лесу, нырнуть в ледяную воду, поохотиться, хоть дров наколоть. Этого ему хватало, чтобы всё, что дерёт когтями изнутри, улеглось.

— Знать не знаю. Никогда раньше... — он судорожно втянул воздух и поднял глаза, встречаясь со взглядом Баки. — не чувствовал это. Словно меня изнутри жгут, и кусают, и нет никакого спасения.

<http://erolate.com/book/3459/83642>